

<https://doi.org/10.25312/j.10808>

Włodimir Miakiszew <https://orcid.org/0000-0001-5855-3677>
Jagiellonian University
e-mail: wladimir.miakiszew@uj.edu.pl

«Плылъ... и видѣлъ всякихъ древесъ различныхъ». Еще раз о мире растений в текстах о Великих географических открытиях¹

«Sailing... I saw all sorts of various woody plants». Age of Discovery texts: the plant world revisited

Абстракт

В статье исследуется практика описания экзотических древесных растений в текстах о Великих географических открытиях конца XV–XVI-го вв. Цель исследования — определить характерные особенности представления неизвестной европейцам флоры и выявить различия между этими описаниями и более ранними средневековыми представлениями. Основной материал извлечен из десятой книги «Хроники всего света» Мартина Бельского, содержащей сведения о недавно открытых землях в Америке, Африке, Азии и Океании. В исследовании применяется описательный историко-лингвистический анализ с привлечением ботанических данных. Установлено, что как непосредственные наблюдатели заморской флоры, так и хронисты, описывавшие их путешествия, представляли растения реалистично и вместе с тем лаконично, отмечая прежде всего их наиболее характерные признаки и свойства. Такой способ изображения экзотической природы существенно отличался от более ранней средневековой модели, во многом сформированной под влиянием фантастических представлений. Анализ также показал,

¹ Фраза из дневника Колумба, взятая из рассказа об открытии Америки. Воспроизводится по старорусскому переводу *Хроники всего света* Мартина Бельского. Уточняющий заголовок несет в себе ссылку на более раннюю публикацию автора статьи (Miakiszew, 2021: 27–41).

что последовательные этапы компилирования и перевода рассказов о путешествиях могли приводить к искажению передаваемых географических и ботанических сведений.

Ключевые слова: Великие географические открытия, представление экзотических растений, «Хроника всего света» М. Бельского, история ботанической терминологии, практика перевода XVI в.

Abstract

The article examines representations of exotic trees in accounts of the Age of Discovery dating from the late fifteenth and sixteenth centuries. The study aims to identify the characteristic features of descriptions of flora previously unknown to Europeans and to indicate how these accounts differed from earlier medieval representations. The material is drawn primarily from Book Ten of Marcin Bielski's *Chronicle of the Whole World*, which contains accounts of newly encountered lands in America, Africa, Asia and Oceania. The study employs descriptive historical-linguistic analysis supplemented by botanical evidence. The findings show that both eyewitnesses to overseas flora and chroniclers who recorded their journeys portrayed plants realistically yet concisely, focusing primarily on their most distinctive features and properties. This mode of representing exotic nature differed markedly from the earlier medieval model, which was strongly shaped by fantastical conceptions. The analysis also demonstrates that successive stages of compiling and translating travel accounts could distort the geographical and botanical information being transmitted.

Keywords: Age of Discovery; Marcin Bielski's *Chronicle of the Whole World*; exotic flora; travel writing; transmission of botanical knowledge; translation in the early modern period

Введение

Эпоха Великих географических открытий существенно изменила прежние знания об окружающем человека мире, существенно расширив его пространство за счет включения неизвестных прежде земель. В текстах как самих путешественников, так и переводчиков и пересказчиков их дневников и мемуаров представлению экзотической растительности уделено гораздо меньше внимания, чем миру животных. Если бы не регулярные ссылки на пряности, обретение которых являлось едва ли не главной целью предпринятых экспедиций, упоминания, а тем более описания образцов необычной флоры встречаются довольно редко. Это и понятно: необычность растений меньше бросается в глаза и труднее поддается отображению на бумаге. Сохранению и передаче даже добытых путешественниками ботанических сведений не способствовала также тогдашняя селективная работа перелagateлей и издателей рассказов о приключениях первопроходцев в книгах XVI века: редкостью не являются пропуски статичных фрагментов исходных текстов, а «скучные» описания неживой природы как раз не несут с собой динамики и, как правило, не поражают пугающей необычностью.

Тем не менее описания экзотических растений новооткрытых земель в старых текстах все же присутствуют и – что для нас очень важно – дают свидетельства об изменениях в самом подходе к показу экзотики. Прежде – в эпоху господства мифической географии, довольно далеко отступившей от античной практики демонстрации в меру реалистичного мира – обычным было представление заморской действительности как поражающей воображение, изрядно пропитанной средневековыми измышлениями.

Исследование

Для иллюстрации этих старых представлений об экзотической растительности сошлемся на пример из невероятно популярного некогда сочинения – «Путешествия сэра Джона Мандевиля». Компилятивная мистификация, известная под приведенным названием, была написана первоначально на французском языке, и, начиная со своего появления в конце 1350-х годов и до 1600 г.,

...считалась одной из самых широко распространенных средневековых книг. Она сохранилась, включая отдельные фрагменты и выдержки, примерно в 300 рукописях, написанных более чем на десяти языках: оригинальном французском, чешском, датском, голландском, английском, немецком, ирландском, итальянском, латинском, испанском и валлийском (Higgins, 2011: XII).

Подчеркивая значимость этого труда, немецкий исследователь средневековой географии Рихард Хенниг утверждал, что «мнимый отчет [Мандевиля] гораздо больше способствовал расширению географического кругозора тогдашнего европейца, чем рассказы о подлинных путешествиях того времени» (Хенниг, 1962: 196). Определение «мнимый» вполне здесь себя оправдывает. Хотя в предисловии к «Путешествиям...» автор представляется читателям английским рыцарем родом из Сент-Олбенса и пишет, что за время 25-летних странствий объездил почти всю Азию, побывал в самых достопримечательных уголках северной Африки и Европы, на самом деле Джон Мандевиль – фиктивная, вымышленная фигура, а его знаменитые путешествия – плод плагиата и отчасти вымысла².

Следуя тогдашней практике представления экзотики как причудливого сплава реального и вымысла, «сэр Мандевиль», обращаясь к вольному пересказу укрытого первоисточника – запискам францисканского монаха Одорико Порденоне (1286–1331), дает описание дивного растения, произрастающего в «странах и островах, которые располагаются за землей Китая» [северный Китай – W.M.]:

И там растет плод, похожий на тыкву-горлянку. Когда эти плоды созревают, они раскалываются посередине надвое, и внутри оказывается небольшое животное, из плоти, кости и крови, похожее на маленького ягненка без шерсти. Оно съедобно, и люди едят как плод, так и животное. И этот плод – большое чудо и великий труд природы (Mandeville, 2011: 157).

Описываемой здесь разновидности зоофитов (воспользуюсь не терминологическим³, а этимологическим толкованием этого слова: от др.-греч. ζῳός ‘живой’ + φυτόν ‘насажденное, то, что посажено; растение’ → ‘живое растение’) было уделено достаточно пристальное научное внимание. Это «большое чудо природы» даже

² В настоящее время подлинным автором книги считают льежского лекаря Жана де Бургоня (ум. 1372), действительно, пребывавшего при дворе египетского султана, и признавшегося в конце жизни в фальсификации, а точнее, компиляции данных, переплетающих собственные наблюдения с переписанными у путешественников и миссионеров XIV столетия – Одорика, Карпини, Больдензейле, Винченца де Бовэ и проч. (Хенниг, 2011: 197–198).

³ Устаревшее название, применявшееся для обозначения группы беспозвоночных животных, которые обладали рядом черт, считавшихся признаками растений.

получило свое название – «овощной ягненок Тартарии» или просто «баранец» / «баромец» (лат. *Agnus scythicus* или *Planta Tartarica Barometz*). Согласно старым представлениям, этот ягненок якобы был связан с растением «пуповиной» – стеблем, который мог сгибаться вниз, давая возможность «живому плоду» питаться травой вокруг своего «родителя»; когда доступная в пределах досягаемости растительность исчезала, и ягненок, и само растение, погибали (см.: Lee, 1887: 3). Отдавая отчет в нереальности этого существа, ученые еще с XVII века были нацелены на поиск первоосновы мифа – прототипа, кроющегося, как представлялось, в реальной, хотя и экзотической действительности. Кого только не называли таким прототипом: древовидный папоротник, именуемый *Cibotium barometz* – из-за сходства его выходящих наружу шерстистых корневищ с лежащим на спине ягненком, или же, если ориентироваться на английское или русское название – курицей (ср. *Golden Chicken*, *Золотой куриный папоротник*); вид морских веерообразных моллюсков *Благородная пинна* (лат. *Pinna nobilis*), своим острым концом крепящихся на морском дне при помощи сети из биссуса – прочных шелковистых нитей (в древности из этого «морского шелка» получали дорогостоящую ткань); ягнят от овец каракулевой породы, поскольку в числе доказательств, свидетельствующих о существовании *баранца*, приводились наглядные, на первый взгляд, артефакты, таковым считалась, напр., меховая мантия, сшитая якобы из зоофита и подаренная Годуновым английскому посланнику сэру Ричарду Ли (Appleby, 1997: 23–34).

Чаще же всего прототипом «овощного ягненка Тартарии» признавался и признается сегодня малоизвестный некогда в Европе *Хлопчатник* (лат. *Gossypium*). Однако Мандевиль рассказывает явно об ином представителе экзотической природы⁴. Следуя тогдашней практике мифической трактовки всего диковинного, мнимый сэр снабдил баранца чертами, приписанными собственной фантазией (см. илл. 1).

В XVI–XVII вв. описание зоофита обрастает новыми причудливыми подробностями. О них узнаем из книги «Ходячие суеверия» (1646) английского медика Томаса Брауна (1605–1682), который, хотя и сомневается в существовании «тартарского овна», все же отмечает:

Превеликим чудом считается «*баромец*», это странное растение-животное, или растительный «*тартарский овен*», которое с удовольствием пожирают волки; оно имеет форму овна, при надломе испускает кровавый сок и продолжает жить даже тогда, когда все растения вокруг него погибают (Browne 1658: 227).

⁴ В том же самом разделе книги, рассказывающем о диковинах «за землей Китай», чуть далее по тексту хлопчатники упоминаются как «деревья, которые приносят шерсть, в точности похожую на овечью, из которой ткут одежду» (Mandeville, 2011: 159).

Илл. 1: Planta Tartarica Boromez

Источник: гравюры из книг: слева: *The voyage and travaile of Sir John Maundevile, Kt. Which treateth to the way of Hierusalem; and of marvayles of Inde, with other ilands and countries*, London 1839, p. 264;

в центре: Claude Duret, *Histoire admirable des Plantes et Herbes esmerveillables et miraculeuses en nature*, Paris 1605, s. 330; справа: Joanne Zahn, *Speculae physico-mathematico-historiae*, t. II, cap. XIII, Norimbergae 1696, вставка между s. 234–235.

Голландский же путешественник Ян Стрейс (1630–1696) никаких сомнений в отношении существования баранца не испытывает. В книге о своих путевых приключениях, соединяя реальное с вымышленным, заявляет:

В этой степи и пустыне растет *баранец* (*Boranez* или *Bornitsch* как некоторые называют) – плод величиной с тыкву. По виду он напоминает барана с головой, ногами и хвостом, отчего и произошло его название. [...] Особенно примечательна шкура, покрывающая снаружи это растение, с блестящей белой и тонкой как шелк шерстью. Эти шкуры весьма высоко ценятся татарами и русскими, да и сам я видел такие в продаже [...] он (баранец) растет на кусте, вышиной в три фута, доходящем до пупа ягненка. Плод поворачивается подобно цветку подсолнечника, так что нагибается к растущим вокруг него травам. [...] если трава засыхает, растение, потеряв свою пищу, увядает. [...] волки очень любят этот баранец и что у него есть мясо, кровь и ноги (почему и называют его зоофитом, животное-растением) (Стрейс, 1935: 195–196).

Таким образом, Средневековые и позднейшие столетия превращают в легенду достаточно реалистические описания хлопчатника, прежде встречающиеся у античных авторов – не только Плиния Старшего (Plini, 1875: 288–289), но даже Геродота (Геродот, 1972: 171) и Феофраста. Последний еще в III в. до н.э. писал:

Много на этом острове и шерстеносного дерева. Листья у него похожи на виноградные, только маленькие; плодов нет вовсе; вместилище для шерсти величиной с яблоко весенних сортов. Оно сомкнуто, но раскрывается, и оттуда высовывается шерсть, из которой ткут ткани (Феофраст, 1951: 139).

Возвращение к объективному показу экзотической действительности приносят с собой, как уже отмечалось, Великие географические открытия. Неведомый мир, представленный обывателям Старого Света по рассказам путешественников-первопроходцев, которые к тому же привозили из дальних краев наглядные свидетельства

увиденного, стал восприниматься как воплощение новоявленной – на сей раз лишенной мифической окраски – экзотики.

Материалом, призванным подтвердить этот тезис, послужит «Kronika Wszystkiego Świata» *Мартина Бельского* – 10-я книга этого труда, содержащая своеобразный сводный отчет о путешествиях конца XV-го – начала XVI-го вв.⁵; точнее, примеры будут взяты из достаточно точного старорусского перевода упомянутой «Хроники», сделанного по горячим следам в самом конце XVI века.

Письменные свидетельства о плаваниях и походах Великих географических открытий, переведенные и переизложенные Бельским из иноязычных источников, в большинстве случаев оказываются настолько точными, что позволяют идентифицировать упоминаемые растения, однако встречаются также примеры, требующие «довыяснения» и даже опровержения приводимой в «Хронике» информации. Происходит это при искажении сведений на одном из звеньев их передачи – от одного источника к другому, потом третьему и т.д. Такие ситуации заставляют обращаться к абсолютно первичным данным из мемуаров самих первооткрывателей, благо сохранившиеся оригиналы их текстов увидели свет в многочисленных изданиях.

Перейдем к демонстрации заявленной практики достаточно реалистичного представления экзотической флоры.

Как пишет М. Бельский, на одном из островов архипелага Нидерландских Антиль (южная часть Карибского бассейна) члены экспедиции Америго Веспуччи (1501–1502) заметили, что местные жители, вообще не имея пресной воды, находят такой выход из положения:

И растет у нѣх *травѣ велми широка*, и как смоковое листье. И роса бывает на ту траву великая по вся дни, и *нальетца то листье воды полны что чаши*. И онѣ ту собирают с листья доколева солнце не взойдет на всякую потребу (в оригинале у Бельского: *acz wody słotkiey nie maia/ wszakże barzo smaczną zbieraią z listkow ktore sie w trąbkę rano zwiјаia/ thak iż będzie każdy pełen rosy* [Bielski, 1564: 447v]). А как солнце взойдет и та тра(ва) розно розкинетца, и воду с собою спустит. И в тѣ поры воды уж добыты дозавтрея не умѣть. Ишпанские люди таковож с листья воды набрали и наполнили корабли свои (Бельский, конец XVI в.: 1058v.).

Нетрудно заметить, что старорусский переводчик в своей версии пересказа текста Бельского почему-то самовольно добавил, что эта водоносная «травѣ велми широка, и как смоковое (т.е. фиговое – W.M.) листье». В первоисточнике же – письме самого флорентийского мореплавателя – в отличие от варианта, предложенного переводчиком-москвитом приводятся сведения об иной нежели у фиги форме листьев увиденного путешественниками растения:

Мы прошли за полтора дня весь остров, не найдя какой-нибудь проточной воды. Мы увидели, что вода, которую они пьют, добывалась из *росинок, выпадающих ночью на некоторых листьях, выглядевших как ослиные уши*. Листья

⁵ Как и вся «Хроника», эта книга представляет собой компиляцию сведений из более ранних трудов западноевропейских авторов, последние же – нередко также не без через обращения к посредническим источникам – излагали сведения исходя из рассказов и текстов самих первооткрывателей.

напитывались водой, и с них люди утоляли жажду. Это была чудеснейшая влага (Письма, 1971: 367).

Известный американский ученый-дендролог Эдвин Меннинджер в свое время писал: «Существует много вполне заслуживающих доверия сообщений о деревьях, рождающих дождь», однако эти «достоверные сообщения о случаях, как легко поддающихся объяснению, так и таинственных, настолько смешались с мифами о дождевых деревьях, что в поисках истины часто приходится блуждать по настоящему лабиринту» (Меннинджер, 1970: 300).

Способность дерева сбрасывать с листьев в виде капель избыток воды, который всасывают корни во время тропических дождей, отличает, например, *Трекулию* (лат. *Treculia africana*), *Казуарину* (лат. *Casuarina equisetifolia*), *Лептолену* (лат. *Leptolaena pauciflora*), *Церцис канадский* (лат. *Cercis canadensis*). Однако все эти деревья по каким-то причинам – либо иному ареалу произрастания, либо характеристикам, не соответствующим скудным описаниям Бельского и Веспуччи – упоминаться в тексте «Хроники» не могли.

Скорее всего на Карибах мореплаватели увидели *Саманею* (лат. *Samanea saman* или *Albizia saman*) – раскидистое дерево с большой плосковатой кроной. Его длинные (до 30 см) листья, действительно, напоминают ослиные уши, а, главное, обладают замечательным свойством конденсировать влагу. Сам процесс «источения дождя» специалисты объясняют следующим образом:

В теплых влажных областях [...] корни всасывают столько влаги, что дерево не способно освободиться от ее излишка путем нормального испарения. Вода ищет выхода, и ее избыток удаляется через специальные отверстия – гидатоды, – обычно расположенные по краям листьев (Palmer, Pitman, 1961, цит. по: Меннинджер, 1970: 302).

Если описание «дождевого дерева» – как, впрочем, и большинства иных экзотических растений – у путешественников является весьма приблизительным, рассказу о некоторых иных представителях мира фауны уделяется больше внимания.

Так, на одном из островов близ Борнео удивление Антонио Пигафетты (ок. 1492–1531) – итальянского мореплавателя, участника экспедиции Магеллана – вызвали

...деревья, листья которых, опадая, оживают и даже двигаются. Они похожи на листья шелковицы, но не такой длины. По обеим сторонам короткого и заостренного черешка у них две ножки. Крови у них нет, но стоит лишь дотронуться до них, как они тотчас же ускользают. Один из них я хранил девять дней к коробке. Когда же я ее открывал, то лист двигался внутри коробки. Я полагаю, что эти листья живут одним только воздухом (Пигафетта, 2000: 95).

Изложенные наблюдения отнюдь не являются очередным рассказом о зоофитах. Упомянутые деревья принадлежат к миру флоры, а вот живые бродячие листья – это паразитирующие на них представители фауны – *Филиппинские листовидки* (лат. *Phyllium philippinicum*), насекомые семейства *Phyllidae*. Широкие и плоские части животного имитируют листья по цвету и структуре, даже лапки имеют листообразные выросты. Эти обитатели тропических лесов могут маскироваться даже под

поврежденные листья: тогда на их листовых фрагментах тела появляются отверстия или признаки надкуса. Движение насекомого имитирует покачивание листа из стороны в сторону, как будто на него дует ветер. В светлое время суток листовидки неподвижно сидят на кормовом растении. С приходом сумерек они преображаются и начинают довольно резво перемещаться вразвалку и питаться – совсем не воздухом, как полагал Пигафетта, а листьями, которые насекомые столь успешно имитируют. Самцы умеют летать, но на очень короткие расстояния (Правдин, 1969: 218–219).

В повествовании о приключениях Альвизе Кадамосто (1432–1488), венецианского купца и исследователя Западной Африки, говорится, что на острове Порту-Санту архипелага Мадейра

...можно найти драконову кровь, которая рождается на неких деревьях. Это вид смолы, которую эти деревья выделяют в определенную пору года, а собирают ее так: надрезают топором нижнюю часть ствола, а через год, опять же в определенное время, из этих надрезов натекает смола. Ее кипятят и затем очищают, и таким образом получают драконову кровь. На этом же дереве растут также овощи, похожие на наши черешни, только желтые. В марте они созревают и прекрасны на вкус (Ca Da Mosto, 1550: 106).

Определение *драконова кровь*, поныне существующее во многих языках мира, служит общим наименованием древесных смол различных растений, а также получаемых из них продуктов. Что интересно, одно и то же название, прилагаемое к разным деревьям, возникло в весьма несхожих культурах света (Передняя Азия, северная Африка, Индия и Китай, европейское Средиземноморье, Латинская Америка) независимо друг от друга (Белоусова, Денисова, 1983: 152), в основу номинации был положен густой красный цвет смолы. В Европе *драконова кровь*, будучи привозным продуктом из Сокотры, Марокко и Макаронезии, была известна со времен античности, в высушенном виде использовалась в лекарственных целях, а также как краситель (Белоусова, Денисова, 1983: 152).

К источникам драконовой крови относятся различные виды растений из родов *Драцена* (лат. *Dracaena*) семейства Спаржевые; *Кротон* (лат. *Croton*) и *Ятрофа* (лат. *Jatropha*) семейства Молочайные; *Демоноропс* (лат. *Daemonorops*) и *Каламус* (лат. *Calamus*) семейства Пальмовые; *Птерокарпус* (лат. *Pterocarpus*) семейства Бобовые (Белоусова, Денисова, 1983; Адамс, 2022: 71).

Описания Кадамосто относятся к Мадейре, а здесь произрастает один из самых известных ныне видов драконова дерева – *Драцена драконова* (лат. *Dracaena draco* – уже само номенклатурное название содержит двойную маркировку объекта номинации: *Dracaena* [определение рода растения] в переводе означает ‘самка дракона’; *draco* [определение вида] значит ‘дракон’). Вариантные названия – *Драконово дерево Тенерифе*⁶, *Драцена канарская*, *Канарское драконово дерево* – лишний раз указывают на ареал его распространения.

Это медленнорастущее древовидное растение высотой до 20 м имеет крепкий ствол серебристо-серого цвета в три обхвата (4,5 м) и зонтиковидную крону

⁶ С 1991 года *Dracaena draco* является официальным растительным символом острова Тенерифе.

с жесткими, кожистыми, мечевидными листьями длиной от 45 до 60 см. При надрезе коры из ствола начинает выделяться клейкий сок, который на воздухе краснеет. Плодоносит *Драцена драконовая* достаточно обильно, давая ягоды оранжевого цвета. Плоды съедобны и по вкусу напоминают черешню (Белоусова, Денисова, 1983: 316).

Несмотря на солидные размеры, *Dracaena draco* привлекла внимание Кадамосто отнюдь не своими внешними параметрами, а полезными для человека свойствами, знакомыми европейцам по практике добывания ценной красной смолы из других растений. Размерами же путешественника удивило другое дерево, увиденное уже на африканском континенте – в Гамбии:

...там росло дерево огромных размеров, с непропорционально толстым стволом – даже по отношению к его большой высоте: последнюю мы оценили примерно в двадцать пассо (в оригинале: *circa venti passa*), а когда измерили толщину ствола, оказалось, что его окружность составляет около семнадцати браччий (*circa dicessette braccia*). Его ствол был изрешечен дырами, полостями и проемами, а крона была необычайно раскидистой и давала много тени (Ca Da Mosto, 1550: 118v).

Пересчет со старых венецианских мер длины (*nacco* [от лат. *passus* ‘шаг’] – 1,74 м; *браччия* [от лат. *brachium* ‘рука’] – чуть более 60 см) (Noback, 1851: 1326) дает представление о внушительной величине дерева – высота 35 метров, толщина ствола около 10 метров.

По описанию Кадамосто легко распознается *Африканский баобаб* (лат. *Adansónia digitáta*) – одно из самых массивных и долгоживущих⁷ деревьев в мире, «наиболее знаменитый представитель рода, действительно фантастическое дерево, вошедшее в легенды... Его не без оснований считают восьмым чудом света» (Грудзинская, 1981: 130–131). С определением высоты баобаба венецианский купец, правда, несколько ошибся – африканский вид вырастает до 25 м, а вот диаметр ствола дерева, действительно, имеет до 10 м, так что бросающаяся в глаза непропорциональность размеров частей растения соответствует отмеченной путешественником. Точным является также наблюдение Кадамосто о структуре ствола. Мягкая, пересыщенная водой древесина баобабов, впитывающих в себя влагу как огромная губка, подвержена грибковым заболеваниям, отчего стволы взрослых деревьев обычно полые или дуплистые, выгнившие внутри (Грудзинская, 1981: 131).

Представленные примеры обращения к модели реалистического показа экзотической действительности при условии «привязки» описаний к месту пребывания путешественников оказываются, как видим, вполне достаточными для идентификации растений. Однако распознавание не всегда проходит так просто, нередко в расчет приходится брать действие самых разных факторов.

Так, в своем отчете о путешествиях Кадамосто несколько раз упоминает сандаловое дерево. Согласно представленной в «Хронике» Бельского версии, мореплаватели видели его на островах, которые прозвали «*Boni visus* [остров Боа-Вишта в составе

⁷ Это дерево совсем не случайно было названо А. Гумбольдом древнейшим органическим памятником нашей планеты. Африканский баобаб живет более 5 тысяч лет (Грудзинская, 1981: 131).

архипелага Зеленого мыса – W.M.], а по нашему языку молвить Доброй взгляд»: «на них (островах) растет *дерево сандалное* (*drzewo Sandalowe* [Bielski, 1564: 451v]) таково густо что нельзи скрозь его пройти» (Бельский, конец XVI в.: 1069v–1070).

Несколько раньше уже на Карибах сандаловое дерево обнаружил Висенте Пинсон (ок. 1460 – после 1523), первооткрыватель территорий, принадлежавших Бразилии: «И потом тот Пизон пошел к полуночной страны Паира и до островов у которых недалече были. И тамо множество нашли *дерева санѣда'ного* (*Sandalowego drzewa* [Bielski, 1564: 444v])» (Бельский, конец XVI в.: 1049). Пинсон прежде был соратником Колумба во время первого путешествия командора в Новый Свет, но в 1499 году отправился в плавание к берегам Южной Америки уже самостоятельно. Впрочем, и в повествовании о путешествиях самого Колумба в «Хронике» рассказывается, что островной «король именемъ Сарагна [...] королю испаньскому учал дань давати на всякой годъ коренье всякое дивное какое въ ихъ земли родитца, такоже и *дерево сандално* (*drzewo Sandalowe*) [Bielski, 1564: 443])» (Бельский, конец XVI в.: 1045v).

Уже сама локализация одноименного в текстах путешественников растения – островная африканская у Кадамосто и латиноамериканская у Пинсона и Колумба – дает понять, что во всех описанных случаях речь идет не о «настоящем» сандаловом дереве. Известно, что из всех санталовых самым ценным и знаменитым является индийское *Сандаловое дерево* (лат. *Santalum album*) или, как его называют, *Белый сандал*. В отличие от других ароматических деревьев, его древесина сохраняет свой аромат в течение десятилетий (Тахтаджян, 1981: 323). Для получения ароматических веществ используется также *Красный сандал* – *Птерокарпус сандаловый* (лат. *Pterocarpus santalinus*). Красным это растущее на востоке тропической Азии и Цейлоне дерево называют из-за насыщенного и равномерного цвета его древесины⁸.

Ни *Белого*, ни *Красного сандала*, таким образом, Кадамосто, Колумб и Пинсон встретить на своем пути не могли, за *Сандаловое дерево* путешественники приняли другие растения. Двуправленность полезных свойств сандала, ценимого и за свои ароматические свойства, и за цвет древесины, по сей день вызывает путаницу в определении растений, лежащих за пределами семейства *Santalaceae*, но соотносимых с ними хотя бы по какому-то из названных параметров.

К сандаловым деревьям, к примеру, иногда причисляют растущий на Гаити и в Венесуэле *Амирус* (лат. *Amyris balsamifera*) – бальзамное дерево семейства рутовых. Мексиканское название амириса – «маленький лимон» связано с тем, что его древесина имеет легкий лимонный запах, который усиливается в тепле. Из амириса получают эфирное масло, которое называют вест-индский сандал⁹, оно гораздо дешевле настоящего сандалового масла и по химическому составу не имеет ничего с ним общего (Виноградов, Виноградова, Голан, 2006: 378).

⁸ Используя для изготовления и инкрустации мебели, красный сандал был одним из самых дорогих лесоматериалов на протяжении тысячелетий. Качеству древесины отдавал дань еще царь Соломон.

⁹ В восприятии первооткрывателей Америки остров Гаити был расположен в Западной Индии, отсюда это название.

Ареал распространения этого псевдосандального дерева, произрастающего в экваториальной части южноамериканского континента и на Карибских островах, говорит о том, что в описаниях путешествий Колумба и Пинзона, посетивших соответственно Гаити и Тобаго, речь идет скорее об амирисе.

Менее вероятным, но теоретически допустимым является предположение, что первооткрыватели Америки упоминают в своих текстах иное ценное растение Антильских островов – *Кампешевое дерево* (лат. *Haematoxylum campechianum*)¹⁰, называемое также *Синим сандалом*. Его твердая красивой текстуры древесина – первоначально буро-красная, синеющая на воздухе и становящаяся буро-фиолетовой – очень ценилась и использовалась для получения красящих веществ, производства чернил, а также шла на изготовление мебели (Адамс, 2022: 69). Однако слишком необычная и примечательная цветовая характеристика древесины должна была бы найти отражение в описаниях Колумба и Пинзона, чего однако их тексты не фиксируют.

Дерево *Пау-Бразил*, называемое – как и упомянутый выше азиатский *Птерокарпус* – также *Красным сандалом* (это *Цезальпиния Ежовая* [лат. *Caesalpinia echinata*])¹¹, совершенно точно в поле зрения этих путешественников оказаться не могло, поскольку является эндемичным видом и растет исключительно на территории нескольких бразильских штатов. Чуть позже его древесина окажется настолько желанным растительным продуктом, что ее название ляжет в основу топонима «Бразилия». Когда португальские колонизаторы обнаружили на побережье Южной Америки деревья с красной древесиной, они назвали их *Pau-brasil* (порт. *pau* ‘древесина’, а *brasil* происходит от *brasa* ‘тлеющие угли’ [Поспелов, 2002: 79]), так страна «дерева бразил» стала Бразилией.

Как уже отмечалось, это название использовалось и ранее – причем для именования разных деревьев с подобными свойствами, но растущих в Азии. Когда португальцы обнаружили латиноамериканское растение, они решили, что нашли место, откуда арабские торговцы прежде брали бразил – высоко ценимую древесину, которая попадала в Европу уже с XII века и использовалась для приготовления красок (в первую очередь в текстильном производстве, напр., красного и фиолетового бархата, широко востребованного в эпоху Ренессанса), а также для изготовления мебели и музыкальных инструментов. В действительности же арабы поставляли в Европу красную древесину азиатского растения, однако не упомянутого выше *Птерокарпуса сандалового*, а распространенного в Ост-Индии *Саппана* (лат. *Caesalpinia sappan*) –

¹⁰ В основу названия положен топоним Кампече (исп. *Campeche*), представленный в варианте французского произношения. Из порта Кампече, столицы одноименного мексиканского штата осуществлялся экспорт в Европу *Кампешевского дерева*. Номенклатурное название рода *Haematoxylum* происходит от греч. αἷμα ‘кровь’ и ξύλον ‘дерево’, т. е. означает ‘кровяное дерево’, так как ядро ствола имеет красный цвет (Quattrocchi, 2012: 1918–1919). Интересно, что на флаге государства Белиз (прежде Британский Гондурас), фактически выросшего из полевых лагерей заготовителей древесины этой породы, присутствует изображение кампешевского дерева, по сторонам которого стоят чернокожий и белый дровосеки.

¹¹ Видовой эпитет этого научного названия *echinata* (от греч. *echinos* ‘еж’) объясняется острыми наростами на стволе дерева.

деревя семейства бобовых с твердой и тяжелой древесиной желтовато-красного цвета (Поспелов, 2002: 79). Прежде – задолго до открытия Америки – о саппане как о «бразильском дереве» (*bresil*) – писал Марко Поло (1254–1324) в своих рассказах о мире фауны островов Малайского архипелага, Цейлона и Индостана (Минаева, 1955: 176, 179, 180, 182, 195).

Отмеченная многозначность старой трактовки понятия «сандаловое дерево», как нетрудно убедиться, затрудняет, но не делает невозможной идентификацию описываемых путешественниками растений. Однако применительно к представленным выше выдержкам из рассказов о Великих географических открытиях этот тезис оправдывает себя как будто только в отношении текстов Пинзона и Колумба.

Вместе с тем распознанию по видовой принадлежности как будто бы не поддается разновидность сандалового дерева, представленного Бельским как непроходимые заросли, обнаруженные моряками Кадамосто на острове «именем Бонивизусъ». Дело в том, что Боа-Вишта, лежащий в центральной части Атлантического океана, в полутысяче километров от африканского побережья, относится к числу полупустынных островов, из-за этого даже именуется «Сахарой Кабо-Верде». Местной достопримечательностью являются морские черепахи, пляжи и дюны, протянувшиеся на десятки километров; и только в юго-западной части острова растут финики и кокосы. Вероятность того, что во времена Кадамосто растительный мир Боа-Вишты мог выглядеть иначе, развеивают мемуары упомянутого выше голландского путешественника Яна Стрейса, побывавшего на Островах Зеленого мыса в середине XVII века. Флору самого острова, получившего «свое название от приятного вида, который открывается на него с моря», путешественник, правда, не описывает, зато представляет растительный мир острова Майо, лежащего по соседству всего в 8–9 милях:

Здесь не произрастают ни померанцы, ни лимоны, ни другие плодовые деревья, и только кое-где попадаются финиковые пальмы, плоды которых редко созревают вследствие скудости почвы и чрезмерной жары, и хотя они получают надлежащую окраску, но не имеют вкуса. Кое-где попадаются единичные хлопчатые деревья (Стрейс, 1935: 49).

Таким образом, все указывает на то, что приведенные Бельским сведения в данном случае являются маловероятными и потому нуждаются в дополнительной проверке – просмотре источников «Хроники» с целью обнаружения «слабого звена» в передаче информации. Впрочем, «раскручивать клубок» долго не приходится: исследовательское внимание к сочинению Гринеуса, взятому Бельским за основу для изложения событий¹², показывает, что неточность допущена по воле польского хрониста.

Приведенная в «Хронике» фраза «*przyszliśmy ku iednym wyspom gdzie tak było gęste drzewo Sandalowe/ aż sie tam trudno wedrzeć do niego*» заметно отходит от содержания источника сведений, где читаем: «*littori applicuimus: erat enim insula confita*

¹² Главным источником для Бельского послужил компилятивный труд, приписываемый деятелю немецкой культуры периода Реформации Симону Гринеусу (1493–1541): (Grynæus, 1532).

omni arborum genere pulcherrimo» (Grynaeus, 1532: 36) (т. е. ‘пристали мы к берегу, это был остров, поросший всякими прекрасными видами деревьев’).

С иным недоразумением в переводе – на этот раз в русскоязычной версии «Хроники» – сталкиваемся в одном из упоминаний о достижениях экспедиций Колумба. В переводном тексте оказалось утерянным указание на название острова, на котором растут две примечательные разновидности растений:

И таковож ишпанове на островѣ на ином, гдѣ Кулюмбус нашол, поставили двадцать восемь вратниц по мѣстамъ, в которых вратницах дѣлают сахар, потому что на томъ островѣ множество *древ* растет *сахарных*, и оттолеже ишпанове привозят иное *древо* *имянемъ Гвоякум* и тѣмъ древомъ лекари лѣчат людей даваючи сево пити челоуѣку (1062–1062v).

Между тем в польском тексте «Хроники» значится:

Na wyspie też Hiszpanie którą Kolumbus wynalazł zbudowano dwadzieścia y osm pras ku prasowaniu cukrow/ gdzie tam obficie roście. Stamtąd też *drzewo* przynoszą które zową po Hiszpańsku *Gwaiakum*/ tym drzewem lekarze ludzi leczą daiąc ie pić (448v).

Переводчик «Хроники» на старорусский потрактовал топоним Hiszpana (Эспана, т. е. Гаити) как агентив (испанцы), чем утруднил соотечественникам локализацию представленных описаний, однако нельзя не заметить его стараний сделать текст более понятным русской читающей публике: упоминание «древ сахарных» устраняет некий логический сбой в тексте оригинала.

Как известно, распространяя на территорию Нового света очень прибыльную культуру сахарного тростника, португальцы и испанцы превратили многие новооткрытые земли в свою сельскохозяйственные колонии. На Гаити плантации этого многолетнего растения появились уже в самом начале XVI века, для работы первоначально использовалось местное население, потом из Африки стали завозить темнокожих рабов. Сахарный тростник дал толчок к развитию острова, который к середине XVI века наряду с Бразилией считался главным мировым экспортером сахара.

Вторая упомянутая Бельским достопримечательность мира флоры Гаити – *Гваяковое дерево* (лат. *Guaiacum officinale*)¹³ – культивируется в сухих районах северных берегов Южной Америки, а также в Индии. Это вечнозеленое тропическое дерево высотой до 15 метров с тяжелой, тонущей в воде древесиной, не способной раскалываться. Именно эта очищенная от коры древесина серо- или черно-зеленого цвета, имеющая приятный запах и смолистый вкус, содержит множество лечебных веществ, из-за наличия которых растение даже называют «древом жизни». Гваяковая смола, которая добывается из измельченной древесины улучшает обмен веществ, нормализуя функции кожи, почек и кишечника. Отвары из древесины и настойка из смолы долгое время были популярными в Европе лечебными средствами (Бочанцева, Симачева, 1981: 249–250).

¹³ Название *Guaiacum* происходит от испанского *guayaco*, принятого из языка индейцев таино – коренных жителей Эспаньолы, так аборигены называли это растение (Corominas, Pascual, 1984: 255).

Заключение

В обобщении произведенных наблюдений над системой старого показа диковинной флоры можно заметить, что равно как сами наблюдатели экзотического мира, так и авторы пересказов их приключений нацелены на достоверность в передаче добытых сведений, при этом, однако, грешат невысокой степенью детальности в описаниях. Точность и обстоятельность будут со временем возрастать, но уже не в текстах первооткрывателей новых территорий, а колонизаторов, которым выпадет участь провести на этих землях долгие месяцы и годы. Пока же – на рубеже XV–XVI вв. – представление экзотических растений в основном ограничивается упоминанием их наиболее характерных черт и/или полезных свойств. Такая модель демонстрации заметно отличается от принятой ранее средневековой, когда на чужое, лежащее за пределами привычного европейского мира, смотрели через призму мифологии.

Библиография / Bibliografiâ

Источники / Istočniki

Бельский М. (конец XVI в.), *Кроника или описание всего света*, Старорусский перевод. Рукопись Библиотеки Государственного исторического музея, Синодальное собрание, № 113 / Bel'skij M. (konec XVI v.), *Kronika ili opisanie vsego sveta*, Starorusskij perevod, Rukopis' biblioteki Gosudarstvennogo istoričeskogo muzeâ, Sinodal'noe sobranie, № 113.

Книга Марко Поло (1955), Москва: Госиздательство географической литературы / *Kniga Marko Polo* (1955), Moskva: Gosizdatel'stvo geografičeskoi literatury.

Пигафетта А. (2000), *Путешествие Магеллана*; Митчелл М., *Эль-Кано – первый европейский кругосветный мореплаватель*, Москва: Мысль / Pigafetta A. (2000), *Putešestvie Magellana; Mitčell M., El'-Kano – pervyj evropejskij krugosvetnyj moreplavatel'*, Moskva: Mysl'.

Письма Америго Веспуччи (1971), Москва: Молодая гвардия / *Pis'ma Amerigo Vespučči* (1971), Moskva: Molodaâ gvardiâ.

[Стрейс] (1935), *Три достопамятных и исполненных многих превратностей путешествия по Италии, Греции, Лифляндии, Московии, Татарии, Мидии, Персии, Ост-Индии, Японии и другим странам, совершенные голландским парусным мастером Яном Стрейсом в 1647–1673 годах*, Москва: Соцэкгиз / Streys] (1935), *Tri dostopamyatnykh i ispolnennykh mnogikh prevratnostey puteshestviya po Italii, Gretsii, Lifylandii, Moskovii, Tatarii, Midii, Persii, Ost-Indii, Japonii i drugim stranam, sovershennyye gollandskim parusnym masterom Yanom Streysom v 1647–1673 godakh*, Moskva: Sots'ekgiz.

Хенниг Р. (1962), *Мнимое кругосветное путешествие сэра Джона Мандевилья*, т. III, Москва: Издательство иностранной литературы / Khennig R. (1962), *Mnimoye krugosvetnoye puteshestvie s-era Dzhona Mandevilya*, t. III, Moskva: Izdatel'stvo inostrannoy literatury.

[Bielski M.] (1564), *Kronika. tho iesth, Historia Swiata na sześć wiekow, a cztery Monarchie, rozdzielona z rozmaitych Historykow, tak w świętym piśmie Krześcijańskim Żydowskim, iako y Pogańskim, wybierana y na Polski ięzyk wypisana*, Kraków: u Mattheusza Siebeneychera.

Browne Th. (1658), *Pseudodoxia Epidemica, Or, Enquiries Into Very Many Received Tenents, and Commonly Presumed Truths*, vol. 3, London: printed P.Y. for E. Dod.

Ca Da Mosto (1550), *Primo volume delle navigationi et viaggi nel qual si contiene la descriptione dell'Africa, et del paese del Prete Ianni, con varii viaggi dal mar Rosso a Calicut...*, t. I, Venetia: appresso gli heredi di L. Giunti.

[Grynaeus S.] (1532), *Novus Orbis regionum ac insularum veteribus incognitarum, una cum tabula cosmographica, & aliquot aliis consimilis argumenti libellis, quorum omnium catalogus sequenti patebit pagina*, Bazileae: apud Io. Heruagium, mense Martio.

[Mandeville J.] (2011), *The Book of John Mandeville with related texts*, I.M. Higgins (tłum. i red.), Indianapolis: Hackett Publishing Company.

Литература вопроса / Literatura voprosa

Адамс М. (2022), *Выдающиеся деревья, которые изменили нашу жизнь*, Москва: Колibri / Adams M. (2022), *Wydaŭśiesâ derev'â, kotorye izmenili našu žizn'*, Moskva: Kolibri.

Виноградов Б., Виноградова Н., Голан Л. (сост.) (2006), *Ароматерапия. Учебный курс*, Palo Alto: Fultus Corporation / Vinogradov B., Vinogradova N., Golan L. (sost.) (2006), *Aromaterapiâ. Učebnyj kurs*, Palo Alto: Fultus Corporation.

Белоусова Л.С., Денисова Л.В. (1983), *Редкие растения мира*, Москва: Лесная промышленность / Belousova L.S., Denisova L.V. (1983), *Redkie rasteniâ mira*, Moskva: Lesnaâ promyšlennost'.

Бочанцева В.В., Симачева Е.В. (1981), *Семейство парнолистниковые*, [в:] А.Л. Тахтаджян (ред.), *Жизнь растений в 6 томах*, т. 5, ч. 2, Москва: Просвещение, с. 247–250 / Bočanceva V.V., Simačeva E.V. (1981), *Semejstvo parnolistnikovye*, [v:] A.L. Tahtadžân (red.), *Žizn' rastenij v 6 tomah*, t. 5, č. 2, Moskva: Prosvešenie, s. 247–250.

Геродот (1972), *История в девяти книгах*, Ленинград: Наука / Gerodot (1972), *Istoriâ v devâti knigah*, Leningrad: Nauka.

Грудзинская И.А. (1981), *Семейство Бомбаксовые, или Баобабовые*, [в:] А.Л. Тахтаджян (ред.), *Жизнь растений в 6 т.*, т. 5, ч. 2, Москва: Просвещение, с. 128–132 / Grudzinskaâ I.A. (1981), *Semejstvo bombaksovyje, ili Baobabovye*, [v:] A.L. Tahtadžân, (red.), *Žizn' rastenij v 6 t.*, t. 5, č. 2, Moskva: Prosvešenie, s. 128–132.

Меннинджер Э. (1970), *Причудливые деревья*, Москва: Мир / Mennindžer È. (1970), *Pričudlivye derev'â*, Moskva: Mir

Поспелов Е.М. (2002), *Географические названия мира. Топонимический словарь*, Москва: Русские словари, Астрель, АСТ / Pospelov E.M. (2002), *Geografičeskie nazvaniâ mira. Toponimičeskij slovar'*, Moskva: Russkieslovari, Astrel', AST.

Правдин Ф.Н. (1969), *Отряд привиденьевые или палочники*, [в:] З.А. Зенкевич (ред.), *Жизнь животных в 6 томах*, т. 3, Москва: Просвещение, с. 215–219 / Pravdin F.N. (1969), *Otrâd prividen'evye ili paločniki*, [v:] Z.A. Zenkevič (red.), *Žizn' životnyh v 6 tomah*, t. 3, Moskva: Prosvešenie, s. 215–219.

Тахтаджян А.Л. (1981), *Семейство Санталовые*, [в:] А.Л. Тахтаджян (ред.), *Жизнь растений: в 6 т.*, т. 5, ч. 2, Москва: Просвещение, с. 318–323 / Tahtadžân A.L. (1981), *Semejstvo santalovye*, [v:] A.L. Tahtadžân (red.), *Žizn' rastenij: v 6 t.*, t. 5, č. 2, Moskva: Prosvešenie, s. 318–323.

Феофраст (1951), *Исследование о растениях*, Москва–Ленинград: Издательство АН СССР / Feofrast (1951), *Issledovanie o rasteniâh*, Moskva–Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.

Appleby J.H., *The Royal Society and the Tartar Lamb*, «Notes and Records of the Royal Society of London» 1997, vol. 51(1), p. 23–34.

Corominas J., Pascual J.A. (1984), *Diccionario Crítico Etimológico Castellano e Hispánico*, vol. III: G-Ma, Madrid: Editorial Gredos.

Higgins I. (2011), *Introduction*, [w:] I.M. Higgins (ed. and trans.), *The Book of John Mandeville: with Related Texts (Hackett Classics)*, Indianapolis: Hackett Publishing Company, Inc., p. IX–XXVI.

Lee H. (1887), *The Vegetable Lamb of Tartary: A Curious Fable of the Cotton Plant*, London: S. Low, Marston, Searle, & Rivington.

Miakiszew W. (2021), *Мир растений в описаниях заморских путешественников XVI века (по материалам «Хроники всего света» Мартина Бельского) / Mir rastenij v opisaniâh zamorskih putešestvennikov XVI veka (po materialam «Hroniki vsego sveta» Martina Bel'skogo)*, «Studia Filologiczne Uniwersytetu Jana Kochanowskiego», t. 34, cz. 1, s. 27–41.

Noback Ch., Nobak Fr. (1851), *Vollständiges Taschenbuch der Münz-, Maß- und Gewichtsverhältnisse, der Staatspapiere, des Wechsels*, Zweite Abtheilung, Leipzig: F.A. Brockhaus.

Palmer E., Pitman N. (1961), *Trees of South Africa*, Cape Town: A.A. Balkema.

Plinius Secundus C. (1875), *Naturalis historiae libri XXXVII*, Lipsiae: B.G. Teubner.

Quattrocchi U. (2012), *CRC World Dictionary of Medicinal and Poisonous Plants. Common Names, Scientific Names, Eponyms, Synonyms and Etymology*, Boca Raton: CRC Press.